

Научная статья

УДК 341.0

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-21-27

К ВОПРОСУ УЧРЕЖДЕНИЯ ГУБНОЙ ТЮРЬМЫ В РОССИИ И ФОРМИРОВАНИЯ ТЮРЕМНОЙ ОБЩИНЫ

Иван Валентинович Евсеев

Челябинский государственный университет, Челябинск; ФКУ НИИ ФСИН России, Москва, Россия, iiiiiv@mail.ru, 0000-0002-2676-2789

Аннотация. Данной работой продолжается цикл исследований, посвященных местам изоляции правонарушителей в допетровской России, которые по своей подчинённости и организации зависели от местного общества: губы, слободы и волости. Такие учреждения в первое время своего существования именовались клетью, темницей, холодной и губной избой, и только в XVII веке, после унификации законодательства, стали именоваться тюрьмой. Охарактеризованы две основные группы контингента волостных мест изоляции: срочные сидельцы из числа обывателей, нарушивших закон и обычай и сохранивших связь с родственниками, и временные сидельцы — беглые и лихие люди, которые были задержаны на земле волости. Обе группы для организации жизни объединялись в тюремную общину, которая возникала на артельных началах с выбором старосты и получила признание со стороны государства, закрепившего ее статус в нормативно-правовых актах.

Ключевые слова: тюрьма, волость, община, сидельцы, обычай

Для цитирования: Евсеев И. В. К вопросу учреждения губной тюрьмы в России и формирования тюремной общины // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 4. С. 21–27.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-21-27

Original article

ESTABLISHMENT OF GUBA PRISON IN RUSSIA AND FORMATION OF PRISON COMMUNITY

Ivan V. Evseev

Chelyabinsk State University, Chelyabinsk; Federal Public Institution Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow, Russia, iiiiiv@mail.ru, 0000-0002-2676-2789

Abstract. This work continues a series of studies devoted to volost places of isolation for offenders in Russia, who, in their subordination and organization, depended on the local society of a guba, settlement or volost. In the early days of their existence, such institutions were called: cell, dungeon, cold hut and guba hut, but not prison. Only after the unification of legislation in the 17th century such premises began to be called prison. It is worth noting that the provincial or volost isolation institutions were organized at the will of the volost society to protect the rights of the authorities and ordinary people from encroachment: residents of the volost who violated the law or custom, as well as fugitive and dashing people who were able to be detained on the territory of the volost. Due to legal regulations, the entire prison population can be divided into two groups. The first is temporary prisoners from ordinary people who either huddled in prison of their own free will or ordinary people who committed a crime in accordance with the law or custom. The term of imprisonment for such prisoners varied from one day to several months. It was this large group of inmates who maintained contact with relatives helping an inmate survive his time in prison and return to his family. The second group was represented by temporary prisoners who were detained on the territory of the volost for crimes or those who escaped from their master, as well as those who managed to escape from places of detention. According to the decree, such prisoners were to be sent to the volost prison within 30 days. The first and second groups of inmates were united into a prison community organized according to folk custom with the choice of the headman and other representatives of the administration. The strongest and smartest were elected to

the elders. Based on the analysis of legal acts, it can be argued that the prison community was not only a recognized initiative on the part of the inmates, which emerged from peasant self-government, but it was also recognized and encouraged by state bodies and the royal persons themselves. A Russian average person is attracted to a community it was determined by the living conditions in prison. Life, traditions and holidays brought up in every member of the community the understanding that he was part of society, without which his life could not be imagined. And when a member of the community went to prison, he had an urgent need to feel himself in his familiar environment — the community. In general, the prison community is a historically established community of people that emerged according to custom, but subsequently received recognition from government officials, which was enshrined in regulations.

Keywords: prison, parish, community, inmates, custom

For citation: Evseev IV. Establishment of Guba Prison in Russia and Formation of Prison Community. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(4):21-27. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/40-magistra-vitae-4-2024.html>. doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-4-21-27

Год от года в российском обществе наблюдается тяга к изучению истории государства и общества в различные периоды. При этом надо отметить, что делается упор на историю определенного учреждения или человека.

Проводя встречи с гражданами в исправительных учреждениях, исторических клубах и музеях, можно услышать следующие вопросы: почему учреждения уголовно-исполнительной системы называют тюрьмой? Как формировалось тюремное сообщество в российских тюрьмах?

Для того чтобы ответить на данные вопросы, стоит проанализировать исторические события и факты на предмет использования нормативно-правовых актов при формировании низовых тюремных учреждений в Российском государстве.

Именно об этом писали в своих исследованиях известные историки-правоведы, к числу которых можно отнести известных авторов XIX и XX веков [Сергеевский, 1887, 314 с.; Никитин, 1880, 665 с.; Фойницкий, 1889, 504 с.; Петренко, 1997, 213 с.; Печников, 2004, 324 с. и др.].

Мы не будем во многом повторять уже написанное [Евсеев, 2023, с. 33–36], а сфокусируем свое внимание на контингенте губных и волостных тюрем, так как именно там формировались тюремная община на основе господствующего мировоззрения и традиции российского народа.

Вопросы формирования контингента в таких тюрьмах требуют особого рассмотрения и отдельного изучения в связи с большим проявлением влияния общества того времени на сидельцев. С учетом изложенного, полагаем, что следует всесторонне исследовать этот опыт. У нас нет сомнений в том, что в законодательстве того времени было немало положительного, что может быть использовано при разработке дополнений к действующему законодательству. Это в должной мере относится к истории организации мест исполнения уголовного наказания.

Как мы уже писали не раз, в Московском государстве в больших поселениях, центрах волости по инициативе власти организовывались местные, так называемые волостные и губные тюрьмы, находившиеся в ведении губных и земских органов власти [Евсеев, 2023, с. 33–36].

Изначально тюрьма в Российском государстве не была видом исправительного учреждения. Данное понятие на момент его применения включало в себя ряд представлений обывателя о месте изоляции правонарушителей и лихих людей. Тюрьма была лишь определенной мерой физической изоляции правонарушителя до суда и местом пристанища для лиц без определенного места жительства, и изначально по своей сути не являлась тюрьмой в своем традиционном восприятии.

Как указывает Н. И. Петренко в своем исследовании, такие места изоляции правонарушителей создавались в волостях и губах при местных органах самоуправления, которые формировались по обычаю на выборной основе от мирян волости. Отличительной чертой этих учреждений было активное участие населения Московского государства в их организации и охране. Данную инициативу с мест государство поддерживало в разных интерпретациях вплоть до начала XX века [Петренко, 2002, с. 26].

При анализе нормативных актов прослеживается государственная установка того времени, что губные избы как карательный орган, как правило, действовали на территории волости, губы, а позднее — уезда. Для руководства и координации губных органов в Москве существовала Разбойная изба, и, как она еще называлась, губная изба. Правовой основой деятельности губных и земских изб были губные и земские грамоты. Древнейшие из них: Белозерская губная грамота 1539 года, Двинская уставная земская грамота 1552 года, губной наказ селам Кирилло-Белозерского монастыря 1549 года и другие [Евсеев, 2023, с. 33–36].

Многие исследователи указывают, что термин «тюрьма» появился в Московском законодательстве с принятием «Судебника» Ивана IV в 1550 г. В данном нормативном акте в нескольких статьях использовался термин «тюрьма», которая по замыслу законодателя должна была стать не только местом изоляции, но и местом реализации уголовного наказания. При анализе прописанных норм судебника возникает мысль, что термин «тюрьма» в документе использовался в двух основных интерпретациях.

Первая интерпретация определялась словом «вкнуть», то есть заключить на определенный срок, когда норма предусматривала такое заключение. Об этом указывают выдержки из норм: «вкнуты в тюрьму», «вкнуты в тюрьму до смерти» и т. д. [Петренко, 2002, с. 26].

Вторая интерпретация предусматривала термин «кинуть в тюрьму» и «отсылати в тюрьму» [Петренко, 2002, с. 29], что означало изоляцию субъекта до принятия судебного и административного решения, которые определяют наказание без лишения свободы.

Многие тюрьмы стояли пустыми долгое время. Правонарушители в основной массе были местными, и для власти было выгоднее их передать на поруки субъекта до суда, чем организовывать режим и охрану тюрьмы. По большей части основную массу правонарушителей составляли местные миряне: крестьяне, ремесленники, которые совершили мелкие проступки или малозначительные преступления.

Когда же тюрьма пустовала, то в ней находили пристанище лица без определенного места жительства, постоянно находящиеся на территории волости, в качестве ночлега избирающие тюрьму, так как там было относительно тепло, и сторожа от лица общины могли накормить пришедших. Данный факт отражен в исследовании В. Н. Никитина [Никитин, 1871, с. 13].

На основе вышесказанного можно утверждать, что волостная тюрьма была неким универсальным местом, как для изоляции правонарушителей, так и ночлегом для обездоленных, которые добровольно являлись в тюрьму, чтобы не замерзнуть и не умереть с голоду. Последнее указывает на тот факт, что в тюрьме даже не по воле властей было организовано получение питания от местной волостной общины. Местная община и состоятельные миряне по собственной инициативе на основе существующего обычая передавали в тюрьму продовольствие и одежду. Питание распределялось тюремным старостой между

всеми сидельцами. Местных правонарушителей, за которыми не было значимых нарушений, иногда отпускали в семью за питанием, или представители семьи приходили в тюрьму и могли с сидельцем провести весь день.

В силу этого обстоятельства большинство правонарушителей «до решения их дел оставались по обычаю «на поруках» у определенной семьи или конкретного авторитетного жителя, если же поруки не было, то заключенный оставался в тюрьме при волостном правлении»¹.

Еще раз скажем, что для местных властей поручительство было наиболее выгодной мерой пресечения, так как предлагало надзор поручителей за отпущенными на свободу.

В своем исследовании С. П. Никонов указывал, что «в тюрьме содержатся во время следствия и суда все обвиняемые в преступлениях, особенно когда подсудимые уже осуждены в первой степени суда; равно в тюрьме содержатся те, кои были обвинены в других менее важных преступлениях, не могут представить по себе порук» [Никонов, 1895, с. 65].

Как указывалось ранее, тюрьмы оборудовали в подсобных помещениях без окон и отопления в целях предотвращения побега. Так, для содержания правонарушителей использовали погреб при доме старосты, клетки и ямы для содержания скота под землей. В РГАДА в документах Сибирского приказа есть любопытный документ о содержании в губной тюрьме при съезжей избе подозреваемого беглого крестьянина. Стоит отметить, что данный субъект был задержан для установления личности. «...Его и жену его держали неделю в помещении при съезде двора в пустом подклете для скота, устанавливая, являются ли они беглыми крестьянами. А другой был взят и содержался в пустом подклете недели за две. А вклепались де у сына его за жену, будто Строганова крестьянка»². Данный факт указывает на то, что подклеть для скота в этом случае рассматривалась как специализированное помещение для изоляции, то есть в простом народном понимании — тюрьма, но таковой еще не называлась, а сидельцы не были правонарушителями, так как их причастность к возможному нарушению не была установлена.

Как указывалось выше, губные и волостные тюрьмы находились в ведении местных властей, которые в соответствии с обычаем и указаниями представителей государственных орга-

¹ ГАСО. Ф. 202. Оп. 1. Д. 331, Л. 28–29 об.

² РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Д. 1314, Л. 184 об.

нов вершили суд над мирянами, допустившими мелкие проступки, и которые по последствиям можно было отнести к маловажным, и наказание по которым во многом назначалось исходя из обычая. К таким правонарушениям можно было отнести:

- мелкое воровство;
- участие в драках за исключением праздничных боев;
- отсутствие на воскресном богослужении и исповеди;
- пьянство,
- сожительство без венчания;
- неповиновение родителям,
- бегство холопа от хозяина своего и т. п.

В последующие времена данный обычай был закреплен на уровне внесения изменений в законодательство в 1775 г., когда многие волостные тюрьмы были преобразованы в смирительные дома. Так, в разделе 391 «Учреждения для управления губерний всероссийскія Имперіи»¹ указывались категории лиц, подлежащих помещению в смирительный дом, закреплялись уже существующие положения:

«1) сыновья и дочери, кои родителям своим не послушны или пребывают злого жития, или ни к чему доброму не склонны, ... 7) непотребного, неистового и соблазнительного жития женского пола».

Так формировалась первая группа сидельцев, которая не прерывала связи с родственной общиной. Представители этой группы каждый день могли встречаться с родственниками, друзьями и т. д. Эта группа меньше подвергалась преступному влиянию со стороны закоренелых правонарушителей, которые также были частыми сидельцами волостных тюрем в силу своего задержания. Наряду с первой группой в волостных тюрьмах могла формироваться и другая группа сидельцев, состоящая из:

- пойманных колодников на территории волости;
- мирян, совершивших уголовное преступление и ожидающих этапирования в уездную тюрьму;
- этапных, если этап проходил через данный населенный пункт;
- мирян, не имеющих документа, и т. д.

Такое деление сидельцев на группы происходило по обычаю; все эти наработки, апробирование временем, были закреплены в более позднее вре-

мя циркуляром от 11 октября 1832 года. Именно в нём закреплялось понятие маловажности правонарушения. К маловажным были отнесены правонарушения: обвинение в мелком воровстве, буйстве, пьянстве, драках и т. д.

Стоит отметить, что первая группа сидельцев определялась как срочные сидельцы, которые обвинялись в маловажных правонарушениях, к которым в некоторых случаях относили гулящих лиц без определенного места жительства и документов. Срок пребывания таких сидельцев определялся от нескольких лет до нескольких дней². Данный пример свидетельствует о том, что тюремное заключение на несколько дней рассматривалось законодателем, как мера превентивная. Заключение должно было быть мерой исправительной, которая должна сдерживать правонарушителя в будущем от подобных деяний. Для первой группы сидельцев определялись краткосрочные наказания. Непродолжительность заключения обуславливалась признанием целесообразности воздействия на моральный и нравственный облик преступника, возможностью его исправления.

Вторая группа была представлена сидельцами, за которыми усматривалось свершение важных преступлений и которых требовалось отправить за караулом в уездную тюрьму.

Как правило, организационно-режимное различие в волостных тюрьмах было только для выделенных групп. Для каждой группы оборудовался специальный блок из нескольких общих помещений, куда данная категория сидельцев заперлась на ночь под присмотр старосты блока. Старосту выбирали все сидельцы блока на основе обычая. Если же сидельцев было немного, то и старосту не выбирали.

Как пишет И. Я. Фойницкий в своём исследовании, «для лица, попавшего волею судьбы в тюрьму, мир изменялся. Для него возникало два начальства, с разными полномочиями, своими мерами принуждения и различными задачами. Первое начальство представлялось служащими тюрьмы: от начальника до ночного сторожа. Второе же было представлено артельным начальством, выбранным тюремной общиной. Подчиняясь первому наружным образом, он должен всецело принадлежать второму...» [Фойницкий, 1889, с. 392].

Именно местный обычай во многом определял режим содержания первой группы сидельцев. Сидельцы из этой категории в дневное время сво-

¹ Учреждения для управления губерний всероссийскія Имперіи. Печатано при Сенате. М., 1775. 229 с.

² НИАБ. Ф. 1430. Оп. 1. Д. 2562. С. 1.

бодно могли общаться с близкими родственниками и друзьями. Утром дверь тюрьмы открывалась сторожами, и сидельцы выпускались во двор¹. Торговцы и родные могли без ограничения проводить время в этом дворе до тех пор, пока не появлялись какие-либо начальники. Родные приносили продукты питания, вели с сидельцем беседы и даже могли выпросить сидельца на день домой, вопреки всем нормативным актам, руководствуясь только обычаем. Именно об этом в своих исследованиях пишут Д. Н. Сергеевский, [Сергеевский, 1887, с. 196–197], И. Я. Фойницкий, [Фойницкий, 1889, с. 316]. К этому можно добавить, что некоторых отпускали из тюрьмы для пропитания. Так, в Государственном архиве Тюменском области содержится документ об отпуске сидельцев на обед. Некоторых колодников отпускали в сопровождении охраны на «обед». В документе сказано, что вор и убийца Роман Достафеев обедал в присутствии охраны в некоей слободе неведомо у кого².

Также были случаи, что срочные сидельцы могли быть отпущены на договорные работы в поселение под присмотр авторитетного обывателя, что в последующем было отражено в горном уставе Н. В. Татищева и приказах Горного правления Уральских заводов³. Данный факт подтверждается указами начала XVIII века: «по безгласным делам, кто из посторонних людей пожелает взять на некоторое время, для своих собственных работ: то оных на основании... 1722 году октября 17 дня указа, отпускать за пристойным караулом, с платежом им от взявших их в работу по 3 копейки на день... то время, сколько они в партикулярной работе пробудут, из казны кормовых денег им уже не производить...»⁴.

Необходимо отметить, что каждый правонарушитель, попадая в тюрьму, попадал в сложившийся социум — общину таких же сидельцев, как и он сам, но это, как правило, касалось второй группы сидельцев. Постепенно ориентируясь в новой среде, связывая себя с интересами и жизнью тюрьмы, он (сиделец) невольно делался из обыкновенного обывателя, крестьянина, мещанина членом тюремной общины. В тюрьме он находил себе новую среду, где встречал сочувствие своему горю, приобретал друзей, помощников и учителей; скоро он отрекался от всякого

другого общества, кроме острожного, и беззаветно отдавался своим новым братьям и союзникам.

Главной задачей тюремной общины было поддержание спокойствия и порядка среди арестантов, а также облегчение бытовых условий отбывания наказания. Силой общинного воздействия, авторитетом и влиянием артельной организации община весьма успешно поддерживала порядок в тюрьме, не допускала драк, буйств, преступлений и массовых эксцессов среди арестантов. При этом она весьма жестко требовала от тюремной администрации невмешательства в организацию жизни и быта тюремных сидельцев, и деятельность самой общины. По данным Н. Д. Сергеевского, источники того времени не содержат ни одного упоминания о совершении преступлений арестантами в отношении друг друга⁵.

Легитимность тюремной общины вполне признавалась властями. Об этом красноречиво свидетельствует челобитная арестантской общины Шуйской тюрьмы государю, где арестанты жаловались на губного старосту и тюремных сторожей, которые «морют нас бедных голодной смертью, а для хлеба в ряд сами не идут, а нас бедных не выпускают» [Сергеевский, 1887, с. 96]. Весьма показательна реакция государя на это обращение: он его воспринимает, говоря современным языком, как просьбу общественной организации граждан, и своим указом от 25 октября 1662 года повелевает на питание арестантов «давать своего Великого Государя жалованье ... на день по два алтына на сидельца»⁶.

В целом можно утверждать, что община представлялась миром для простого человека, без существования которого он жить не мог и не представлял себя без него. Российский человек с детства впитывал в себя традиции общины-мира. И где бы он не появлялся, у него возникала острая необходимость ощущения себя в общине. Сама практика реализации тюремного заключения выработала такую своеобразную, вполне самостоятельную форму организации тюремной жизни и быта, представлявшую довольно широкие пределы самостоятельности заключенным. Тюремная община оставалась прообразом родовой общины с иерархией. Власть в лице царя и уполномоченных представителей признавали такую общину и поддерживали.

¹ ГА РФ. Ф. 102. Оп. 240. Д. 52. Л. 89–91 об.

² ГАТО. Ф. И-181. Оп. 1. Д. 12, Л. 6–6 об.

³ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XVIII: 1767, № 1340. С. 4.

⁴ Архив СИ 4 ГУФСИН РФ по Челябинской области. Ф. 3. Оп. 1. Д. 34. Л.4.

⁵ ПСЗ I. СПб., 1830. Т. XVIII: 1767, № 1340, С. 206.

⁶ ПСЗ I. СПб., 1830, № 328.

Список литературы

1. Гернет М. Н. История царской тюрьмы / Проф. М. Н. Гернет; Всесоюз. ин-т юрид. наук НКЮ СССР. Москва: Б. и., 1941, СССР. Нар. ком. Юстиции, II. Всесоюзный институт юридических наук. Т. 1. Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941. 246 с.
2. Евсеев И. В. Атлянская трудовая колония для несовершеннолетних осужденных как пример положительного опыта воспитательной работы в 1935–1940 гг. // Научные труды ФКУ ФСИН России (научно-практическое ежеквартальное издание). Выпуск 4. М., 2023. С. 187–195.
3. Евсеев И. В. Волостная тюрьма, вопросы возникновения и последующей трансформации // Право и практика. 2023. № 4. С. 33–36.
4. Никитин В. Н. Тюрьма и ссылка. С.-Петербург, 1880. 665 с.
5. Никитин В. Н. Жизнь заключенных: Обзор петербургских тюрем и относящихся до них узаконений и адм. Распоряжений. Санкт-Петербург, 1871. 300 с.
6. Никонов С. П. Поручительство в его историческом развитии по русскому праву: Исслед. Сергея Никонова. Санкт-Петербург: Т-во экон. типо-лит. Панфилова и Палибина, 1895. 216 с.
7. Петренко Н. И. Организационно-правовые основы исполнения наказания за общеуголовные преступления в местах заключения России в пореформенный период, 1864–1917 гг.: Диссертация кандидата юридических наук: 12.00.01. Москва, 1997. 213 с.
8. Печников А. П. Тюремные учреждения Российского государства (1649 — октябрь 1917 гг.): (ист. хроника). Москва: «Щит-М», 2004. Клинцы, Брянская обл., гор. тип. 324 с.
9. Сергеевский Д. Н. Наказание в Русском праве XVII века. С.-Петербург, 1887. 314 с.
10. Фойницкий И. Я. Учение о наказании в связи с тюремоведением / Соч. И. Я. Фойницкого, орд. проф. С.-Петерб. ун-та. Санкт-Петербург: тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1889. 504 с.

References

1. Gernet MN. *Istoriya tsarskoi tyur'my = The history of the royal prison*. Moskva, Yurid. izd-vo NKYu SSSR; 1941. 246 p. (In Russ.).
2. Evseev IV. *Atlyanskaya trudovaya koloniya dlya nesovershennoletnikh osuzhdennykh kak primer polozhitel'nogo opyta vospitatel'noi raboty v 1935–40gg. Nauchnye trudy Fku FSIN Rossii (nauchno-prakticheskoe ezhekvartal'noe izdanie) = Scientific works of the Federal Penitentiary Service of Russia (scientific and practical quarterly publication)*. Issue 4. Moscow, 2023. Pp. 187–195. (In Russ.).
3. Evseev IV. *Volostnaya tyur'ma, voprosy vozniknoveniya i posleduyushchei transformatsii. Pravo i praktika = Law and practice*. 2023;4:33–36. (In Russ.).
4. Nikitin VN. *Tyur'ma i ssylka = Prison and exile*. S-Peterburg; 1880. 665 pp. (In Russ.).
5. Nikitin VN. *Zhizn' zaklyuchennykh: Obzor peterburgskikh tyurem i odnosyashchikhsya do nikh uzakononii i adm. Rasporyazhenii = The life of prisoners: An overview of St. Petersburg prisons and related laws and administrative orders*. Sankt-Peterburg; 1871. 300 pp. (In Russ.).
6. Nikonov SP. *Poruchitel'stvo v ego istoricheskoy razvitiy po russkomu pravu: Issled. Sergeya Nikonova = Surety in its historical development under Russian law*. Sankt-Peterburg: T-vo ekon. tipo-lit. Panfilova i Palibina; 1895. 216 pp. (In Russ.).
7. Petrenko NI. *Organizatsionno-pravovye osnovy ispolneniya nakazaniya za obshcheugolovnye prestupleniya v mestakh zaklyucheniya Rossii v poreformennyy period, 1864–1917 gg.: Dissertatsiya kandidata yuridicheskikh nauk: 12.00.01. = Organizational and legal foundations of the execution of punishment for ordinary crimes in places of detention in Russia in the post-reform period, 1864–1917: Dissertation of the Candidate of Legal Sciences: 12.00.01*. Moscow; 1997. 213 pp. (In Russ.).
8. Pechnikov AP. *Tyuremnye uchrezhdeniya rossiiskogo gosudarstva (1649 — oktyabr' 1917 gg.): (ist. khronika) = Prison institutions of the Russian state (1649 — October 1917): (historical chronicle)*. Moscow; «Shchit-M»; 2004 (Klintsy, Bryanskaya obl., Gor. tip.). 324 pp. (In Russ.).
9. Sergeevskii DN. *Nakazanie v Russkom prave XVII veka = Punishment in the Russian law of the 17th century*. Sankt-Peterburg; 1887. 314 pp. (In Russ.).
10. Foinitskii IYa. *Uchenie o nakazanii v svyazi s tyur'movedeniem = The doctrine of punishment in connection with prison studies*. Sankt-Peterburg: tip. M-va put. soobshch. (A. Benke); 1889. 504 pp. (In Russ.).

Информация об авторе

Евсеев Иван Валентинович — кандидат юридических наук, доцент кафедры экономики отраслей и рынков (Челябинский государственный университет); старший научный сотрудник Отдела изучения отечественного и зарубежного опыта, истории УИС, сравнительного анализа пенитенциарного законодательства (ФКУ НИИ ФСИН России, г. Москва).

Information about the author

I. V. Evseev — Candidate of Law, Associate Professor of the Department of Economics of Industries and Markets (Chelyabinsk State University); Senior Researcher at the Department for the Study of Domestic and Foreign Experience, the History of Criminal Justice, Comparative Analysis of Penitentiary Legislation (Federal Research Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Moscow).

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов. The author declares no conflicts of interests.